

© 2004 г. О.Н. ЛЯШЕВСКАЯ

**О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЧИСЛОВОЙ ПАРАДИГМЕ
ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
(НАЗВАНИЯ ПИЩИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ)***

Число представляет яркий пример канонической грамматической категории, семантика которой напрямую связана с реалиями обозначаемой ситуации. Таким образом, число, в отличие, например, от вида, представляется как категория, независимая от лексического наполнения. Однако современные исследования по семантике числа и, в особенности, по типологии числа в языках мира, существенно корректируют эту картину. Выясняется, что имена разных лексических групп имеют разное числовое поведение, причем от языка к языку оно может различаться. Для объяснения такого рода феноменов уже недостаточно описания общих закономерностей числа как грамматической категории – важно найти ответы на более общие вопросы: у каких имен вообще возможны различия по числу [Corbett 2000]; каковы различия в числовом оформлении у имен с одним и тем же значением в разных языках (см. например [Wierzbicka 1988; Kibrik 1992; 2002; Behrens 1995; Koptjevskaja-Tamm, Wälchli 2001]); у каких имен возможны нестандартные значения числа [Арбатский 1954; Плунгян, Рахилина 1995]; и какие различия между языками возникают на уровне частных числовых употреблений [Rogers 1997]. Таким образом, исследования последних лет привлекают широкий лексический материал и неизбежно сталкиваются с задачей установления связей между лексикой и грамматической формой числа.

Для этого – в идеале – требуется зафиксировать для каждого языка числовые парадигмы всех имен существительных или, что то же самое, все случаи, когда числовое поведение той или иной лексики отклоняется от стандартного. В то же время, объяснительная грамматика предполагает, что в языке существует не беспорядочный континуум лексически обусловленных исключений – в нем действует некий общий механизм использования определенных числовых форм для выражения определенных типов значения, причем выбор числовой формы "в известной степени независим от конкретного лексического воплощения" [Koptjevskaja-Tamm 2001] и даже от конкретного языка. Исследованию такого рода механизма на материале одной только семантической группы имен названий пищи и только в одном – русском – языке посвящена настоящая работа.

Статья состоит из шести разделов. В первом суммируются результаты, полученные в классических работах по семантике числа, и вводится понятие числовой парадигмы. Во втором разделе обсуждается принципиальная связь числовой парадигмы имени с его таксономическим классом. Третий раздел посвящен проблеме описания числа имен и именных групп. Далее в разделах 4–6 последовательно рассматривается числовое поведение имен следующих семантических групп: i) имен плодов – овощей, фруктов, ягод, грибов, злаковых и бобовых культур и т. п.; ii) мясных и рыб-

* Данная работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 01-06-80419а. Автор выражает благодарность Е.В. Рахилиной, прочитавшей рукопись статьи и предложившей ряд ценных поправок.

ных блюд; iii) мучного и сладкого. В заключении дается краткий обзор выделенных признаков, обуславливающих числовое поведение имен, и обсуждаются проблемы их взаимодействия и предсказательной силы.

1. СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИЯ ЧИСЛОВОГО ПОВЕДЕНИЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЧИСЛОВАЯ ПАРАДИГМА

Названия пищи дают благодатный материал для изучения многообразия числового оформления существительных. Рассматриваемые в этой статье имена объединены общим функциональным признаком ("это едят"), но различны в денотативном плане. Среди них и названия жидкостей (*молоко*), и названия классических "предметов" типа *яблока* (твердых и обладающих четкой формой), и имена таких существностей, как *капуста* и *хлеб*, которые, хотя и встречаются в виде кочанов и батонов, тем не менее, не подлежат счету и представляются языком как что-то недискретное, и многое другое. Вполне оправданно, что такие классы имен различаются по исчисляемости, а значит, и по употреблению форм числа.

Между тем, даже среди близких названий наблюдается поразительный разноречивый в числовом оформлении. Почему-то говорят:

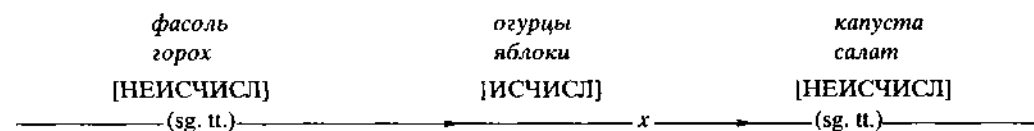
(1) а. *Варить борщ* [ЕД], но *щи* [МН];

б. *Есть печенье/мармелад/пастилу/карамель* [ЕД], но *конфеты/вафли* [МН];

в. *Угостить орехами/фисташками* [МН], но *миндалем/фундуком/арахисом* [ЕД].

Подобных загадок много и в других языках, ср. англ. *beans* [МН] 'бобы' – *rice* [ЕД] 'рис', ит. *spaghetti* [МН] – *pastasciutta* [ЕД] 'спагетти' и т. д. Визитной карточкой русской грамматики стала тема числового оформления названий овощей и фруктов (см. [Андреев, Замбрицкий 1959; Mel'čuk 1979; Поливанова 1983; Ivić 1982; Jarvis 1986; Wierzbicka 1988], а также отзывы на последнюю работу [Бурас, Кронгауз 1990; Падучева 1996]). Именно на этом лексическом материале была выдвинута гипотеза о том, что связь между числовой формой и значением не произвольна.

А. Вежбицкая [Wierzbicka 1988] установила следующий закон упорядоченности числового оформления. Культуры делятся на 3 класса – маленькие, средние и большие:

В качестве естественной границы классов выступает ситуация "держа в руке, поедать целиком". В руке умещается много маленьких объектов, один средний, а большие слишком велики, чтобы удержать их на ладони, и от них отрезают куски. Названия плодов среднего класса счетны и имеют формы обоих чисел, названия мелких плодов несчетны, названия крупных плодов также обычно несчетны, по крайней мере, при обозначении пищевого продукта. От этой последовательности существуют отклонения. К овощам среднего размера относятся *морковка*, *свекла* и другие корнеплоды, которые едят, не держа в руке и не целиком; перед едой их режут и варят (жарят и т. п.), тем самым преобразуя овощи в бесформенную массу. Признак "поедание в резаном и обработанном виде" относит *морковку* и *свеклу* в класс, отличный от класса *яблок*: в частности, в контексте глаголов еды они могут вести себя как неисчисляемые, ср. *я съел много морковки/свеклы* [ЕД].

В основе общей гипотезы лежит понятие гомогенности. Частицы, составляющие *горох*, настолько мелки, что носитель русского языка воспринимает горох как гомогенную совокупность, а не как отдельные "штучки", собранные в некотором количестве. Кроме того, в восприятии носителя языка могут гомогенизироваться и более крупные объекты, ср. *купил на рынке 2 кг свеклы* [ЕД].

Гипотеза А. Вежбицкой, привлекательная самой постановкой задачи и очевидно-стью "когнитивной" аргументации, обнаруживает и слабые места, что не раз отмечалось в научной дискуссии. Правила, выведенные А. Вежбицкой, не предсказывают всего. Одно из исключений – баклажаны и патиссоны. Как пишут авторы отзыва на книгу Вежбицкой, "в русском языке слово *баклажан*, совпадающее по своему числовому поведению со словами типа *помидор*, *огурец*, принимает другое значение второго семантического признака, а именно: баклажан практически никогда, в том числе и в России, не поедается целиком в сыром виде" [Бурас, Кронгауз 1990: 54].

Другой пример, претендующий быть исключением – *бобы*. Как отмечается в [Падучева 1996: 19], "бобы в денотативном плане не отличаются от фасоли", но принадлежат к другому классу (*огурцы* и т.п.). Существительное *бобы* формально попадает в класс, заданный семантическими признаками "средний размер" и "поедаться целиком и в сыром виде", и очевидно, не удовлетворяет ни одному из них. И такие примеры можно множить – см. табл. 3 ниже.

Вместе с тем, указывая, что фрукты-овощи крупного размера "скорее несчетны", А. Вежбицкая не учитывает, что *капуста*, *тыква* и *арбуз* демонстрируют три разных типа числовых употреблений:

Таблица 1

Употребление форм числа существительных *капуста*, *тыква* и *арбуз*

	<i>капуста</i>	<i>тыква</i>	<i>арбуз</i>
'1 штука'	–	ЕД <i>половина тыквы</i>	ЕД <i>половина арбуза</i>
'несколько штук'	–	МН <i>Какие крупные тыквы!</i>	МН <i>Какие крупные арбузы!</i>
'часть или масса'	ЕД <i>Съел немного капусты</i>	ЕД <i>Съел немного тыквы</i>	ЕД <i>Съел немного арбуза</i>
'неопределенное количество'	ЕД <i>Собрали 2 центнера капусты</i>	ЕД <i>Собрали 2 центнера тыквы</i>	МН <i>Собрали 2 центнера арбузов</i>
генерическое употребление	ЕД <i>Я люблю капусту</i>	ЕД <i>Я люблю тыкву</i>	МН <i>Я люблю арбузы</i>

В терминологии, предложенной А.К. Поливановой, арбуз – это pluralia-ориентированное существительное, тыква – singularia-ориентированное существительное, а капуста – singularia tantum, см. [Поливанова 1983].

Singularia (sg)/pluralia (pl)-ориентированность полночисловых существительных означает, что в ситуации названия определенного количества объектов они ведут себя стандартно: 'один' – [ЕД]; 'несколько' – [МН]. В ситуации обозначения не-точно-определенного количества (в неопределенном употреблении) sg-ориентированные оформляются ед. числом, pl-ориентированные – мн. числом. То есть, sg-ориентированные существительные – это такие, которые в этой ситуации понимаются как совокупность, а pl-ориентированные – как множество штучных объектов.

Крайние случаи ориентированности – это sg. и pl. tantum. Эти имена не обозначают объекты по отдельности. Для обозначения одного объекта *капусты*, *салата* нам придется сказать: *вилок*, *кочан капусты*, т.е. употребить так называемые "счетные слова", а для *гороха* и других мелких объектов – употребить либо сингулятив (*горошина*), либо также счетное слово (*головка*, *зубчик чеснока*).

Решающими для типологии числовых употреблений являются 3 типа контекстов, в которых существительное обозначает а) 'одну штуку', б) 'несколько штук', в) 'неопределенное количество'. Как видно из табл. 1, генерическое употребление имен совпадает по числовому оформлению с неопределенно-количественным¹. Контекст, в котором имя обозначает часть или массу, полученную из данного продукта (ср. *съесть немного арбуза; тертое яблоко; жареная картошка; смазать пирог сверху яйцом*), возможен для всех названий съедобных продуктов, и ед. число, которым оформляются в этом случае все имена (за исключением существительных рл. п. типа *макароны*), мы будем называть "единственным массы"². Таким образом, поведение существительных в этом контексте абсолютно предсказуемо, исходя из первых трех контекстов.

Итак, каждому имени можно сопоставить семантическую числовую парадигму, например:

ТЫКВА	'один'	'несколько'	'неопределенное количество'
	ЕД	МН	ЕД

В более традиционных терминах понятие семантической числовой парадигмы можно представить как структуру значений существительного, находящихся в отношении регулярной полисемии, каждому из которых соответствует своя формальная числовая парадигма. Вот как, например, может выглядеть фрагмент словарной статьи ТЫКВА³.

• плод растения ТЫКВА...

'1'	'>1'
ЕД	МН

• совокупность плодов ТЫКВЫ

'1'	'>1'
ЕД	#

Исследования по выявлению общих механизмов, лежащих в основе разнообразия числовых парадигм существительных, обычно базируются на небольшом количестве показательных примеров (см. [McCowley 1975; Wierzbicka 1988] и др.). Задачей настоящей работы являлось, во-первых, классифицировать обозначения пищи по ти-

¹ См., впрочем, далее в разделе 3 о некоторых отступлениях от этого правила у имен готовых блюд.

² Существует также универсальное и не зависящее от семантики имени употребление формы ед. числа при обозначении продуктов в так называемом "языке торговли", ср. надписи на ценниках *"абрикос/1 кг – 60 руб."*, *"яйцо диетическое"* и т.д. Подобное явление не лингвоспецифично и характерно для многих европейских языков.

Еще более распространен в европейских языках обратный переход от неисчисляемости к исчисляемости в конструкции с числительным типа *два пива*, англ. *I'll have three coffees* 'Мне три кофе' и т.п., с соответствующей реинтерпретацией значения как "порции" или "упаковки" ("universal packagers" в терминах работы [Jackendoff 1991: 24–25]). Для русского языка сама возможность сочетания существительного с числительным не является показателем его "полноценной" исчисляемости, так как многие вещественные имена могут сочетаться с числительным только в ед. числе: ср. *два, три, четыре масла*, но **пять масел*, при допустимом в разговорной речи *дайте, пожалуйста, пять масла* (об эллиптичности таких конструкций см. [Mei'žuk 1979. 225–226]). Кроме того, эти имена не могут выступать в сочетании с квантором *несколько*, ср. **взяли несколько вина/пива, *несколько вин/масел*.

³ Мы опускаем еще одну структуру значений, которые представляют тыкву как растение.

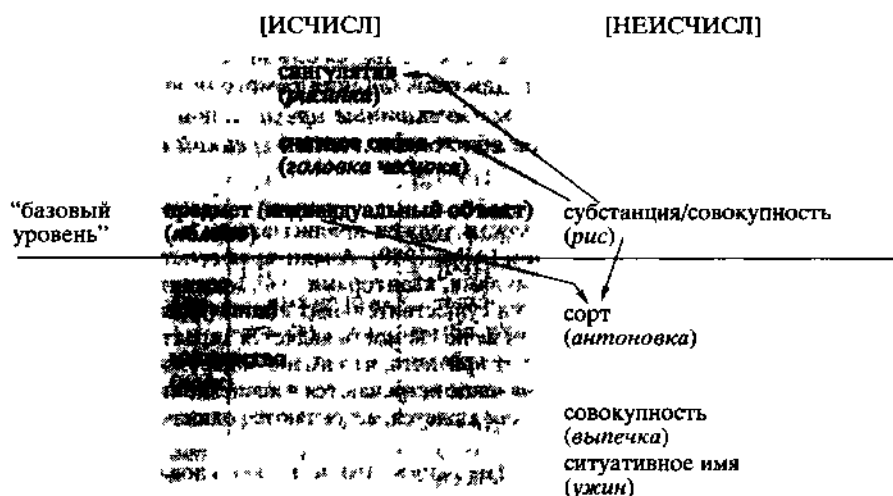
пам числовых парадигм и, во-вторых, рассмотреть возможности предсказания числового поведения имени по его семантике на более широком языковом материале. Увеличение эмпирического материала как вширь (в сторону большего числа рассматриваемых лексических единиц), так и вглубь (привлечение частных контекстов употребления, в которых формы числа употребляются нестандартно), как кажется, может способствовать не только верификации замеченных закономерностей, но и показать многофакторность семантических процессов.

2. ОБЩАЯ СТРАТЕГИЯ И ТАКСОНОМИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ИМЕН

Если распределить обозначаемые виды пищи по шкале дискретности, то самое крайнее положение будут занимать субстанции: жидкие (*молоко*), вязкие (*пюре*) и сыпучие (*соль*, *рис*). Сыпучие вещества уже могут мыслиться как гомогенные совокупности мельчайших частиц (крупинки соли, рисинки и т.п.), и это подтверждается существованием соответствующих сингулятивов и счетных слов. Пища, состоящая из частиц более крупного размера (*смородина*, *винегрет*, *орехи*, *макаронны*, *рафинад*, *гренки*) чаще всего также концептуализируется недискретно (*смородина*, *винегрет*, *рафинад*), но *орехи* и *гренки* представляются в языке дискретно (как много собранных в одном месте дискретных объектов, ср. один объект – *орех* и *гренок*), а *макаронны* только хотят казаться множеством дискретных частиц, но на самом деле таковым не являются [ср. сингулятив *макаронина* вместо **макарон(а)*].

С увеличением размера минимальной единицы счета возрастает самооценность этой "одной штуки" как объекта потребления. Предметы среднего размера имеют все основания для того, чтобы быть счетными, ср. *яблоки*, *котлеты*, *пирожки*, *яйца*, однако, как уже отмечалось, некоторые продукты естественного происхождения могут представляться языком как гомогенная совокупность, ср. *морковка* и *свекла*. Наконец, продукты крупного размера, такие, что одному не съесть, рассматриваются, как правило, в двух перспективах: любой кусок *пирога* называется *пирогом*, в ед. числе (*Ешь пирог*), если пирог видится как еда; но несколько целых пирогов обозначаются мн. числом (*На столе стоят пироги*, *завернуть пироги в бумагу*), если пирог видится как оформленный физический объект.

Перечисленные имена составляют так называемый "базовый уровень" лексики, и именно он наиболее интересен в плане числовых различий. Имена других таксономических категорий имеют свои характеристики числового оформления, и вследствие ограниченного объема статьи мы лишь кратко обозначим основные из них.

Имена более низкого уровня таксономии – названия сортов не поддаются исчислению (так, говорят *яблоки*, но не **антоновки*); а имена и более высокого таксономического уровня – названия классов ("category word" в терминологии Э. Рош [Rosch 1975]) – напротив, свободно образуют формы мн. числа, интерпретируемые как 'разные виды чего-либо' (ср. *фрукты*, *спиртные напитки*), но могут иметь ограничения на референтное употребление формы ед. числа, ср. **фрукт хранился на складе дольше положенного срока*.

Сингулятивы и счетные слова [*рисинка*, *головка (чеснока)*], в силу своего определения, имеют полную числовую парадигму, хотя, по прагматическим причинам, более употребимы в контекстах "малого количества".

Совокупности (например, *выпечка*/**выпечки*, *спиртное*/**спиртные*) противопоставлены по числовой форме так называемым именам "множеств", имеющим полную парадигму (ср. *наек*/*пайки*); впрочем, и сам класс совокупностей делится на sg. tt. (*выпечка*) и pl. tt. (*яства*, *разносолы*, *продукты*).

Ситуативные совокупности обозначают всю совокупность блюд, любую еду, объединенную по признаку ситуации потребления, при этом не важно, какого типа и какой степени однородности, ср. *вкусный завтрак*, *съел весь обед*, *ужин уже на столе*; *мы были у Ивановых*, *там был богатый стол*. Ситуативные совокупности – это переносные обозначения, для которых возможна только форма ед. числа. Так, нельзя сказать **Хозяйка готовит завтраки для мужа и детей* даже в том случае, если она готовит разные блюда, например, мужу – яичницу, а детям – манную кашу, ср. правильное предложение *Хозяйка готовит завтрак для мужа и детей*, – то есть, имена в значении ситуативной совокупности не допускают исчисления.

3. ИМЕНА И ИМЕННЫЕ ГРУППЫ

Прежде чем приступить к описанию материала, следует обсудить вопрос, стоит ли приписывать числовую характеристику имени, или такая характеристика должна быть приписана всей именной группе? Второе решение имеет свои основания, поскольку присоединение к имени распространителя может вести к смене таксономической категории имени. Например, присоединение прилагательного к имени "класса" часто служит для сдвига в категорию "базового уровня", ср. сочетание *волчья ягода* – такой же гипоним слова *ягоды*, как *барбарис* и *земляника*, и, подобно последним словам, группа *волчья ягода* проявляет признаки sg. tt.

Еще один эффект распространения именной группы заключается в переводе обозначаемого понятия на другой уровень концептуализации, ср. две атрибутивные группы: *грецкий орех* и *мускатный орех*. В составе именной группы *грецкий орех* существительное *орех*, исходно исчисляемое (ср. *орех*/*орехи*), все также обозначает штучный объект, ср. *грецкий орех*/*грецкие орехи*. В составе именной группы *мускатный орех* существительное *орех* употребляется для обозначения гомогенной субстанции – специи, и поэтому оформляется sg. tt., ср. *мускатные орехи*. Сдвиг категоризации наблюдается также в примерах *тертое яблоко*, *толченый грецкий орех* и *мелко нарезанный лимон*.

Вопрос о том, что признак исчисляемости должен приписываться не именам, а именным группам, был поставлен Кейтом Алланом [Allan 1980]. Анализируя сочетаемость английских существительных с числительными, артиклями, кванторами (*one*, *some* и т. п.), он показывает неадекватность традиционной маркировки существительных как исчисляемых и неисчисляемых. При этом Аллан замечает, что "хотя исчисляемость является характеристикой именных групп (NP), а не имен, вместе с тем, следует признать, что имена обнаруживают предпочтения по исчисляемости – поскольку одни имена чаще встречаются в исчисляемых NP, другие – в неисчисляемых NP, в то время как третьи, как кажется, встречаются одинаково свободно в обоих" [Там же: 556].

Еще ранее в работе [Cartwright 1975] отмечалось, что не только слова и именные группы (phrases), но и их частные употребления (occurrences) могут быть неисчисляемыми либо исчис-

ляемыми, и это не всегда объясняется сдвигом в значении имени. По мнению Х. Картрайт, употребление формы ЕД в примере *Put some apple in the salad* [= Положить немного яблока в салат] отражает то, как мы поступаем с яблоками, но не сдвиг в значении исчисляемого существительного 'apple'.

Ранее мы сделали утверждение, что употребление имени в генерическом (родовом) контексте совпадает по числовой форме с неопределенно-количественным употреблением. Но проблема в том, что не все имена одинаково хорошо употребляются в генерическом контексте, ср. (2а) и (2б):

(2) а. Я люблю колбасу/вино [ЕД] ~ Я люблю пироги, фрукты [МН];

б. Я люблю ^{??}напиток [ЕД]/^{??}напитки [МН]; ^{??}продукт [ЕД]/^{??}продукты [МН].

Имена *напиток* и *продукт* обладают слишком общим значением для того, чтобы предложения типа (2б) были осмысленны. Между тем, распространенная именная группа с более конкретным значением вполне уместна в этих контекстах, ср.:

(3) Я люблю *напиток* из плодов шиповника [ЕД: 'определенный вид']/*спиртные напитки* [МН: 'класс']; я не ем *молочных продуктов* [МН: 'класс'].

Обратим внимание, что присоединение прилагательного к обычным именам "базового уровня" типа *колбаса*, *вино*, *пирог* также может менять его числовые характеристики. Например, словосочетание *пирог с черникой* обозначает особый сорт пирогов, и, соответственно, числовое поведение изолированного существительного и словосочетания будет различным, ср.:

(4) ^{??}Вы любите *пирог*? [ЕД] Вы любите *пирог с черникой*? [ЕД]

Вы любите *пироги*? [МН] Вы любите *пироги с черникой*? [МН]

Не имея возможности подробно остановиться на всех типах генерических употреблений, проиллюстрируем лишь некоторые различия в числовом оформлении нераспространенных и распространенных именных групп на материале имен *тыква*, *колбаса*, *вино* и *торт*:

Таблица 2

Генерические употребления существительных *тыква*, *колбаса*, *вино* и *торт*

	<i>тыква</i>	<i>колбаса, вино</i>	<i>торт</i>
I. Я люблю...	ЕД ...тыкву	ЕД ...колбасу, вино	МН ...торты
II. Я люблю [вид]...	ЕД ...мускатную тыкву	ЕД/МН ('разные виды') ...сырокопченую колбасу/сырокопченые колбасы, грузинское вино/грузинские вина	ЕД/МН ('разные виды') ...торт "Птичье молоко"/торты с кремом
III. Фирма стала выращивать/выпускать ...	ЕД ...тыкву	ЕД/МН ...колбасу/колбасы, вино/вина	МН ...торты
IV. Фирма стала выращивать/выпускать ...[вид]	ЕД ...мускатную тыкву	ЕД/МН ...сырокопченую колбасу/сырокопченые колбасы, сухое вино/сухие вина	ЕД/МН ...торт "Птичье молоко"/торты "Птичье молоко"
V. Фирма стала выращивать/выпускать новые сорта/виды...	ЕД ...тыквы	ЕД = МН ...колбасы/колбас, вина/вин	МН ...тортов

Как показывает табл. 2, поведение имен подчиняется трем стратегиям числового оформления: первую стратегию представляет существительное *тыква*, вторую – *колбаса* и *вино*, третью – имя *торт*. Наибольший разноречивый в числовом оформлении наблюдается в нераспространенных именных группах (контексты I, III, V), где выбор форм числа сильно зависит от лексической семантики. Напротив, в распространенных именных группах со значением 'сорта/вида' (контексты II, IV) различия в числе до определенной степени нивелируются. Здесь выбор числовых форм можно сформулировать с помощью нескольких простых правил, минимально зависящих от лексического наполнения:

- словосочетания со значением 'сорта/вида' могут быть употреблены в генерическом контексте в той же числовой форме, что и изолированное существительное (ср. *фирма выпускает торты* ~ *фирма выпускает торты "Птичье молоко"*);
- кроме того, такие словосочетания всегда могут быть употреблены в генерическом контексте в форме ЕД, если они интерпретируются как 'один определенный сорт/вид', а также в форме МН, если они допускают трактовку 'разные сорта/виды' (ср. *я люблю грузинское вино* [а не молдавское] ~ *я люблю грузинские вина* [разные сорта]);
- [довольно общее лексическое ограничение:] имена плодов с sg-ориентированной парадигмой в обиходной речи не могут употребляться в форме МН с интерпретацией 'разные сорта' (ср. **мускатные тыквы*, **кормовые репы* и т.п.)

Возвращаясь к поставленному вопросу, на каком уровне следует приписывать числовые характеристики, отметим, что признак исчисляемости может, в принципе, быть приписан как лексеме (исходный параметр), так и именной группе в целом (производный параметр). Однако целесообразно различать общие правила числового оформления, зависящие от контекста, и частные правила, обусловленные семантикой лексемы. Так, в предложении *Вы любите пирог с черникой?* поведение всей именной группы подчиняется правилам числового поведения названий сортов и в минимальной степени зависит от семантики слова *пирог*; напротив, поведение именных групп *ягода* и *мускатный орех* связано со сдвигом в концептуализации понятий *ягода* и *орех*, а значит, подчиняется частным лексико-семантическим правилам.

Таким образом, в целях компактного описания достаточно, чтобы для каждой лексемы был указан исходный тип исчисляемости/неисчисляемости и, кроме того, были отмечены возможные сдвиги в категоризации, присущие только данной лексеме. Все это, в сочетании с общими контекстными правилами, позволит предсказать числовые характеристики всей именной группы.

В соответствии с принятым решением, в следующих разделах будет описано числовое поведение имен "базового" таксономического уровня. Вначале мы еще раз обратимся к "классическому" лексическому материалу – именам овощей и фруктов. Мы постараемся пересмотреть ранее выделенные семантические параметры, учитывая, во-первых, известные "исключения", и, во-вторых, сопоставляя различия внутри класса имен овощей и фруктов с различиями внутри класса имен небольших плодов (ягод, орехов и пр.), а также грибов.

4. ОВОЩИ И ФРУКТЫ

Рассмотрим имена, приведенные ниже в таблице 3, – сюда включены названия овощей, фруктов (включая и бахчевые культуры, которые в наивном представлении сближаются с фруктами), ягод, орехов, бобовых и злаковых культур⁴. Выше раздельной черты располагаются исчисляемые существительные с pl-ориентирован-

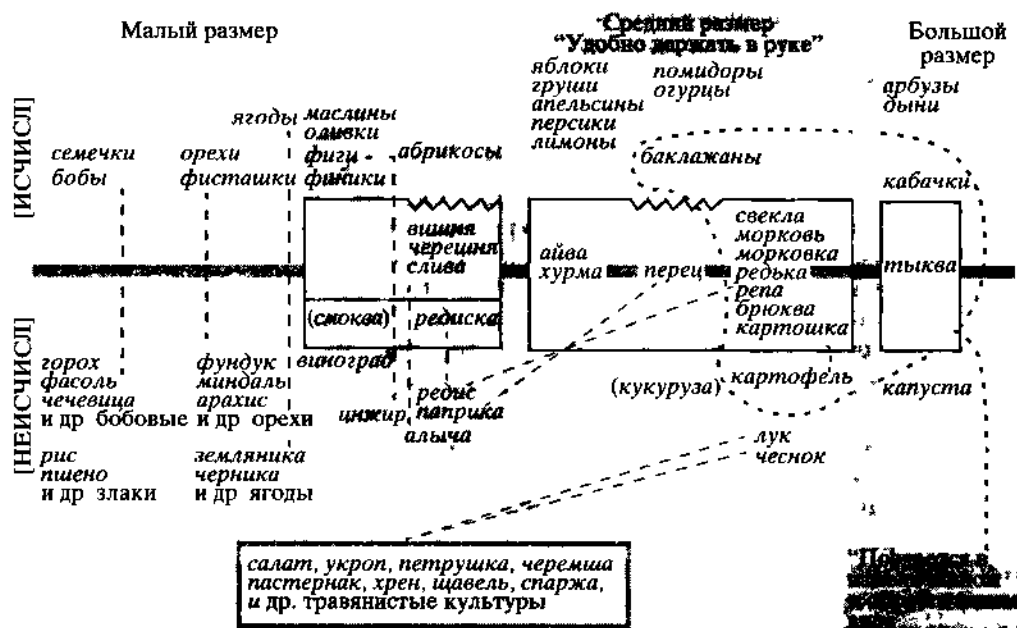
⁴ Список имен далеко не исчерпывающий, но представляет все типы числовых парадигм

ной парадигмой (тип "арбуз"), ниже черты – неисчисляемые существительные sg. tt. (тип "капуста"), промежуточное положение (в рамке) занимают существительные с двойным статусом по отношению к исчисляемости, и соответственно, имеющие sg-ориентированную числовую парадигму (тип "тыква"). Имена переходного класса ведут себя как исчисляемые в сильных счетных контекстах (ср. *вымой еще две морковки*) и как неисчисляемые – при обозначении неопределенного количества (*принеси еще немного морковки*).

Уточним, что данное распределение учитывает только одно понимание (не)исчисляемости – на уровне множества плодов. Так, *арбуз* счетен, когда он воспринимается как целый предмет, входящий во множество себе подобных (ср. *на бахче растут арбузы, в магазин привезли арбузы, складывать арбузы в контейнер*), однако, когда речь идет о количествах, не превышающих естественного "предела исчисляемости" [Падучева 1996], т. е. одного плода, *арбуз* становится неисчисляемым. любая его часть называется *арбузом* (можно сказать *ешь арбуз*, даже если на тарелке лежит кусок арбуза). Употребление существительного *арбуз* в последнем примере предполагает иное понимание (не)исчисляемости – на уровне массы. Как уже было сказано выше, такое несчетное употребление возможно для любых обозначений еды, хотя можно предположить, что оно более стандартно для имен крупных плодов, чем для мелких (ср. *съесть еще немного абрикоса*). Между тем, форму ед. числа *лимон* в предложении *Вам чай с лимоном?* также естественно интерпретировать как 'ломтик лимона', а значит, дело тут не только в размере, но и в стереотипе "средней порции". Различия по числу у имен с полной числовой парадигмой частично нейтрализуются в контексте глаголов *крошить, тереть, резать* и т.п., ср. *добавить в салат тертое яблоко/тертые яблоки, разложить на блюде мелко нарезанный лимон/лимоны*.

Названия плодов

Таблица 3

Для описания всего многообразия семантико-числовых типов имена в таблице удобно разделить на следующие классы:

- неисчисляемый sg. tt. класс "рис" – обозначения злаковых, бобовых культур, ягод, орехов (*рис, пшено; горох, фасоль, земляника, черника, фундук, миндаль* и др.);

- исчисляемый класс "ягоды" – обозначения мелких плодов как частей растения (*ягоды, орехи, бобы, семечки*);
- исчисляемый класс "фисташки";
- исчисляемый класс "абрикосы" – обозначения плодов размера, переходного от мелкого к среднему (*абрикосы; маслины, оливки, фиги, финики*);
- ограниченно-исчисляемый класс "слива" с колебанием числовых форм в неарифметическом контексте (*слива, вишня, черешня*);
- ограниченно-исчисляемый класс "редиска";
- неисчисляемый sg. tt. класс "алыча" (*алыча, инжир, виноград; редис; паприка* и др.);
- исчисляемый класс "помидоры" – обозначения овощей и фруктов среднего размера, растущих над землей (*помидоры, огурцы, баклажаны; яблоки, груши, лимоны* и др.);
- ограниченно-исчисляемый класс "айва" (*айва, хурма*);
- ограниченно-исчисляемый класс "перец" с колебанием числовых форм в неарифметическом контексте;
- ограниченно-исчисляемый класс "свекла" – обозначения корнеплодов среднего размера (*свекла, морковь, редька, репа, брюква, картошка* и др.);
- неисчисляемый класс "картофель";
- исчисляемый класс "арбузы" – обозначения плодов крупного размера (*арбузы, дыни, кабачки*);
- ограниченно-исчисляемый класс "тыква";
- неисчисляемый класс sg. tt. "капуста";
- неисчисляемый класс sg. tt. "укроп" – обозначения травянистых культур (*укроп, петрушка, хрен, спаржа, салат, лук, чеснок* и др.).

Как видно из таблицы, нельзя указать такое абсолютное значение размера, которое однозначно предопределяло бы исчисляемость: и среди мелких, и среди крупных плодов находятся обозначаемые счетными именами, наряду с теми, которые обозначаются несчетными именами, ср.

(5) <i>абрикосы</i>	–	<i>слива/две сливы</i>	–	<i>алыча</i>	(мелкие плоды)
<i>помидоры</i>	–	<i>свекла/две свеклы</i>	–	<i>картофель</i>	(средние плоды)
<i>кабачки</i>	–	<i>тыква/две тыквы</i>	–	<i>капуста</i>	(крупные плоды)

И все же, даже статистически, имена плодов мелкого размера тяготеют к неисчисляемости, а имена плодов среднего и крупного размера – к исчисляемости. Можно предположить, что названия мелких плодов, находящиеся в классе исчисляемых, как и названия крупных плодов, попадающие в класс неисчисляемых, занимают свое место не благодаря, а вопреки признаку размера обозначаемого, т.е. они обладают какими-то другими семантическими характеристиками, которые "пересиливают" фактор размера.

4.1. Средние и крупные плоды

Рассмотрим несколько подробнее, как влияет на исчисляемость имени признак "способа приготовления и употребления" (далее для краткости мы будем называть его "способ приготовления" или "способ использования"). Сравним *помидоры* и *морковь*: и те, и другие овощи можно есть целиком, или есть резаными в сыром виде, или есть резаными и вареными (например, в супе). Противопоставляя их по способу поедания, мы, следуя Вежибицкой, должны приписать им в словаре разные культурные сценарии использования (т.е. как обычно их едят представители данной культуры). Так, про *морковь* мы должны написать, что обычно ее едят резаной и вареной, а про *помидоры* – что их едят целиком в свежем виде, что, конечно, будет противоречить интуиции некоторых носителей языка (ибо не все носители культуры едят

помидоры целиком), но может быть принято как допущение – некий семантический ярлык, апеллирующий к "традиции".

С учетом того условия, что ситуация еды воспринимается сквозь призму культурного концепта "это **обычно** едят целиком vs. резаным и вареным", мы можем считать, что в контекстах, связанных с обозначением еды, формы числа когнитивно мотивированы, ср. (6а):

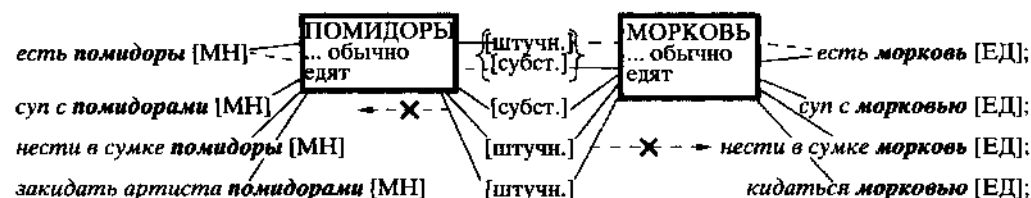
(6а) *я ем помидоры* [МН] — *я ем морковь* [ЕД].

Однако сказанное не объясняет напрямую, почему используется форма ЕД *морковь* в контекстах типа (6б):

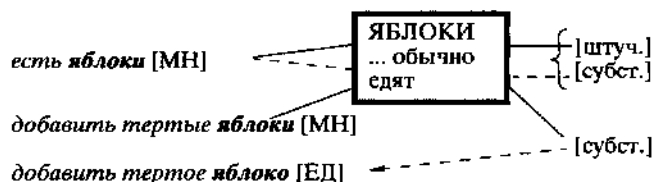
(6б) *я несу в сумке 2 кг помидоров* [МН] — *...2 кг моркови* [ЕД];

т.е. почему лежащие в сумке несколько целых морковок представляются языком недискретно, в то время как несколько помидоров представляются дискретно.

Казалось бы, роль овощей в ситуациях, где они предстают как простые физические объекты [см. (6б)], никак не связана с тем, как их едят; и все же, следует признать, что способ концептуализации здесь тот же, что и в ситуации еды, и говорить о непрямой (опосредованной) когнитивной мотивированности числовых форм:

Только в сильных контекстах, вызывающих сдвиг категоризации (например, *добавить тертое яблоко*), форма числа мотивирована вне связи с концептом дискретности и непосредственно отражает реальное состояние объекта:

Как уже было сказано, признак способа приготовления "не работает" в правилах числового поведения имен *баклажаны* и *патиссоны*; если не принимать во внимание размер, *кабачки* тоже будут исключением по этому признаку. Между тем, в давней и незаслуженно забытой статье [Андреев, Замбрицкий 1959] *яблоки*, *огурцы*, *кабачки* противопоставляются *свекле*, *репе*, *картофелю* по признаку места произрастания. Плоды первого типа растут над землей, плоды второго типа, корнеплоды – под землей. Очевидно, что и при таких правилах находятся исключения: *тыква* и *капуста*, растущие над землей, полностью или частично несчетные. Обратим также внимание, что какую бы мотивировку мы ни приняли, по Вежбицкой или по Андрееву и Замбрицкому, в любом случае нам придется искать различия между *кабачком* и *тыквой*, которые, как известно, сходны и по способу произрастания, и по способу приготовления. Скорее всего, учет только свойств обозначаемых объектов в данном случае не даст удовлетворительного решения, и это наводит на мысль, что ответ может скрываться в факторах самой языковой системы.

Вот несколько возможных вариантов решения перечисленных выше проблем:

- **тыква:** представляет старый тип склонения на -ы(-*й), к которому относятся также *морковь (мъркы)*, *смоква (смокы)*, *брюква (брукы)*. Все эти слова принадлежат к классу ограниченно исчисляемых.
- **кабачок:** в наивном представлении может быть связан с метафорой *кабака* как помещения, полного семечек (ср. также *огурец* – "полна горница людей"), а *кабак* – это исчисляемое имя.
- **баклажаны:** культивируемые в южных районах России, вначале воспринимались как особый вид *помидоров*, ср. само заимствование *patlydžan*, которое в турецком языке обозначает именно "помидор", а также диалектн. *баклашкы* "помидоры" [Фасмер 1986, т. 1: 110]. Поэтому было бы странным, если бы *баклажаны* были противопоставлены по концептуализации *помидорам*.

Приведенные факты объясняют особенности числового поведения существительных на диахроническом уровне. Чтобы мотивировать числовое поведение на синхронном уровне, мы должны признать, что эти сведения каким-то образом отражаются в той "необязательной" зоне значения, которая отвечает за метафору и коннотации⁵, или же, как в случае с *тыквой*, фиксируются как особенность морфологического строения слова (в принципе, учет формальной стороны языкового знака наряду с семантическими критериями может давать удовлетворительный результат для определения типа числовой парадигмы, ср. ряд pl. п. *обноски, обьедки* и т.п.).

Суммируем значения семантических признаков:

	размер +: "крупный" –: "мелкий"	способ произрастания +: "растет над землей"; –: "растет под землей"	способ приготовления и употребления +: "едят целиком"; –: "едят как гомогенную массу"	
<i>свекла</i>	+	–	–	
<i>морковь</i>	+	–	– (±)	> неисчисл.
<i>редиска</i>	±	–	– (±)	
<i>тыква</i>	+	+	–	недостаточная семантическая мотивация
<i>кабачки</i>	+	+	~	
<i>баклажаны</i>	+	+	–	
<i>яблоки</i>	+	+	+(±)	> исчисл.

Сочетание признаков "крупный размер" и "едят целиком" является достаточным для того, чтобы имя было счетным, а сочетание признаков "растет под землей" и "едят как гомогенную массу" – для того, чтобы имя было несчетно. Таким образом, *свекла* обнаруживает наиболее сильные доводы для того, чтобы быть неисчисляемой: она растет под землей и поедается измельченной в вареном виде. *Морковь* часто, но не всегда, измельчается и варится. *Тыква* и *баклажаны* входят в неустойчивую

⁵ Ср. понятие "третьего измерения лексики" или "глубинной оси" (наряду с "вертикальной" – парадигматической и "горизонтальной" – синтагматической "осями") значения слова, связанной с его деривационной историей и ассоциативно-смысловой нагрузкой, у Д.Н. Шмелева [Шмелев 2002: 69]. Л.Н. Иорданская и И.А. Мельчук используют термины «"внутренняя форма" смысла» и "семантическая этимология" [Иорданская, Мельчук 1980: 204], а Ю.Д. Апресян приводит примеры и обоснование того, что в толковании одного значения слова может содержаться информация о других значениях слова (на материале коннотативно связанных значений) [Апресян 1995: 156–177].

зону: признак "расти над землей" свидетельствует в пользу счетности, а признак способа употребления – в пользу несчетности, поэтому решающими становятся внутриязыковые соображения.

Приведем еще пример, где в (не)исчисляемости обнаруживается инерция языковой системы, ср.

(7) *Раньше в этой теплице мы выращивали перцы* [МН]/*перец* [ЕД].

Фаршированные перцы [МН]. *Маринованный перец* [ЕД].

Существительное *перец* принадлежит к классу, занимающему промежуточное положение между исчисляемым и ограниченно-исчисляемым классами: в арифметическом контексте имя счетно (*два перца*), а в контексте неопределенного количества возможны колебания в счетности. Показательно, что в словосочетании *фаршированные перцы* предпочтительна форма мн. числа (блюдо имитирует целые плоды), а в сочетании *маринованный перец* – форма ед. числа (как правило, при консервировании плоды режутся).

Первоначально в русской кухне присутствовал мелкий черный перец, употреблявшийся как приправа, а крупный болгарский перец пришел в русскую культуру значительно позже. В принципе, черный перец и сладкий перец – это совершенно разные вещи. Черный перец, как приправа, обозначается недискретно (ср. также еще одну разновидность перца – *паприка*), болгарский же перец по общему правилу должен был бы обозначаться так же, как *помидоры* и *огурцы*, т.е. исчисляемым именем, однако, похоже, что числовая форма "имеет память".

Имен овощей/фруктов, не способных называть плоды поштучно, т.е. *sg. tt.*, в русском языке сравнительно немного. Обращают на себя внимание парные наименования *картофель* – *картошка* и *редис* – *редиска*, где первый член пары – неисчисляемое существительное, а второе – ограниченно-исчисляемое. В том, что они попадают в разные классы, нет ничего удивительного: в принципе, в языке часто сосуществуют и дискретный, и континуальный варианты обозначения однородных множеств, ср. *листья* и *листва*; (яблока-) *паданцы* и *падалица* и т.п. Уже в силу существования "конкурентов" именам *картофель* и *редис* нет необходимости выступать в арифметических контекстах: в каком-то смысле роль сингулятивов выполняют имена *картошка* (наряду с *картофелиной*) и *редиска*. Но почему именно *картошка* и *редиска* подчиняются правилу числового оформления названий корнеплодов, а не наоборот? Во-первых, кажется вполне закономерным, что под правило класса корнеплодов подпадают более обиходные, "живые" обозначения *картошка* и *редиска*, а не их книжные эквиваленты *картофель* и *редис*. Во-вторых, причиной может быть морфологический фактор. *Картофель* и *редис* – имена мужского рода. Обозначая совокупность плодов, они не могут в то же время играть роль сингулятива, как это делают другие имена корнеплодов, поскольку в русском языке сингулятивам свойственна форма женского рода, ср. суффиксы *-ин(а)* (*бусина*); *-инк(а)* (*пылинка*); *-ка* (*ватка*). В самом деле, как видно из табл. 3, к классу ограниченно-исчисляемых существительных тяготеют имена женского рода (единственное исключение – *перец*). По-видимому, по этой же формальной причине в паре *морковь* – *морковка*, которая могла бы разделить участь имен *картофель* – *картошка* и *редис* – *редиска*, и тот, и другой член пары попадает в класс ограниченно-исчисляемых⁶.

Лук и *чеснок* – еще два представителя *pluralia tantum* среди обозначений плодов среднего размера. Как считает А. Вежицкая, для них важен признак "приправы", т.е. они не составляют самостоятельного блюда и, как правило, поедаются измельченными, и поэтому существительные *лук* и *чеснок* несчетны. Но признак "припра-

⁶ Гипотезу "женского рода" подтверждает и такой факт: как правило, диалектные обозначения дублируют числовую форму литературных названий, ср. *кавуны* – *арбузы*, *синенькие* – *баклажаны* и т.п., однако *бураки*, в отличие от *свеклы*, принадлежат к классу *pl*-ориентированных существительных.

вы" не является самодостаточным, например, исходя из данной трактовки, такой же приправой должен считаться *лимон*, который добавляют в чай (кусочками) или в мясные и рыбные блюда (выжимая из него сок). Кроме того, *чеснок* может быть и самостоятельным продуктом (ср. *маринованный чеснок*) и его не всегда измельчают. По признаку "произрастания под землей" *лук* и *чеснок* могли бы относиться к классу *свеклы*, но они относятся к классу *укропа*, *петрушки*, *черемши*, *спаржи* и прочих культур, которые растут "как трава". В пользу важности этого признака – произрастания как травы – говорит и существование в классе sg. pl. имени *салат* (обозначаемая культура может расти и как трава, и в виде отдельных кустиков), а также имени *капуста*. Последняя растет в виде отдельных кочанов, но, как и *салат*, называется листовой культурой, т.е. может концептуализироваться как некая совокупность листьев (ср. также этимологию М. Фасмера «ит. *composta*... первонач.: "сложенная (зелень)"» [Фасмер 1986, т. 2: 188]). В этой связи весьма характерна дефиниция из словаря [Ожегов, Шведова 1999: 83]: *вилок* = "капуста, начавшая завиваться в кочан" [завиваются, конечно же, листья].

Выходя за рамки овощей/фруктов, скажем, что признак способа произрастания релевантен и для *кукурузы*. Если бы это имя в русском языке было исчисляемым, то мы бы считали, что причиной тому наличие у *кукурузы* початков среднего размера. Но данное существительное не употребляется в счетных контекстах и обозначает как совокупность початков (ср. *вареная кукуруза*), так и совокупность зерен (ср. *каша из кукурузы*). Растения *кукурузы*, подобно другим злаковым культурам, концептуализируются как нечто гомогенное, в большом количестве растущее на поле и напоминающее траву.

4.2. Мелкие плоды

До сих пор мы говорили об овощах и фруктах, многие из которых, несмотря на свой средний или крупный размер, концептуализуются недискретно. Рассмотрим теперь обозначения мелких плодов, особо выделяя среди них те, которые, вопреки общему правилу, исчисляемы. Здесь мы сталкиваемся с проблемой обратного рода: почему обозначаемые ими плоды не концептуализируются как гомогенная масса?

В примере (8) существительные *клубника* и *ягода* имеют разные формы числа: (8) Взять 0.5 кг **клубники** [ЕД]. **Ягоды** [МН] засыпать сахаром и оставить в холодном месте на 3 часа.

Ягода, а также *орех* и *боб* выполняют функцию родовых имен и, в отличие от своих гиперонимов, представляют обозначаемые плоды как счетное множество, ср.

(9) *клубника, малина* [ЕД]... и другие **ягоды** [МН]
фундук, арахис [ЕД]... и другие **орехи** [МН]
горох, фасоль [ЕД] – **бобы** [МН]

Однако родовой статус имен сам по себе не гарантирует исчисляемости. Так, родовые имена *овощи* и *фрукты* не могут выступать в счетном контексте, ср.

(10a) *Яблоки вымойте и удалите середину. ??Разрежьте два фрукта и украсьте ими салат...*

в то время как *орех*, *ягода*, *боб* (а также диминутивные формы *орешек* и *ягодка*) хорошо справляются с сингулятивной функцией, ср.

(10б) Десяток **орехов** измельчить в ступке, остальные использовать для украшения торта.

(10в) Украсьте пирожные **ягодами** малины.

Как известно, большинство названий плодов несут двойную нагрузку, обозначая не только плод, но и само растение, ср. *горох*, *клубника*, *вишня*, *помидор*, *капуста* и т.п. Секрет исчисляемости *орехов*, *ягод* и *бобов* состоит в том, что они обозначают плоды как части растения, ср. *ягоды ежевики*, *бобы канавалии* [род фасоли] (в этой связи уместно вспомнить и о существительном *коренья*, которое, в отличие от других имен приправ – *гвоздики*, *корицы*, *базилика*, *имбиря* – имеет формы мн. чис-

ла⁷). Между тем, имена *фрукты* и *овощи* не обозначают части растения, ср. **фрукты яблони*, **овощи картофеля* и т.п.

Примечательно, что при переходе на ступеньку вниз по таксономии имя *ягоды* допускает деиндивидуализацию, например, если обозначается известная говорящим разновидность ягод, например, *черника*, возможно употребление формы ед. числа (особенно в разговорной речи), ср.

(11a) *Пойти в лес за ягодами* [МН]/*ягодой* [ЕД]; *перебирать ягоды* [МН]/*ягоду* [ЕД]; однако квантификация, скорее всего, недопустима, ср.

(11б) ?*набрать два ведра ягоды* [ЕД].

В одну группу с *орехами*, *ягодами* и *бобами* следует отнести исчисляемое существительное *семечки*. Несмотря на то, что это имя не является родовым, оно использует тот же механизм номинации, ведь *семечко* – это тоже часть растения (или его плода). Показательно, что в профессиональной речи у *семечек* имеется "близнец" sg. ff. женского рода *семечка*, ср. название марки подсолнечного масла "*Золотая семечка*" или следующий пример из рекламного объявления:

(12) *Зерно, шрот, жмых, семечка, масло! ЗАО "Северо-Западный Зерновой Союз" предлагает... 1. Зерно продовольственное и фуражное. 2. Семечка подсолнечника. 3. Подсолнечное масло.*

Конечно, в данном случае обозначается уже не еда, а сырье для производства растительного масла, и причины деиндивидуализации здесь очевидны. Расхождение числовых парадигм в данном случае идет по образцу пары *зерно* – *зёрна*, ср. различие в концептуализации в примере (13):

(13) *птицы клюют зерно* [ЕД] – *птицы клюют зёрна* [МН]⁸.

Разнообразие типов числовых парадигм у обозначений средне-мелких плодов свидетельствует, что здесь располагается переходная зона: размер плодов недостаточно велик для того, чтобы они концептуализировались только как дискретные объекты, но и не так мал, чтобы они однозначно представлялись континуумом:

- *абрикосы, оливки, маслины, фиги, финики* и др. являются исчисляемыми;
- *вишня, черешня и слива* занимают промежуточное положение между исчисляемыми и ограниченно-исчисляемыми существительными (т. е. представляют тот же тип парадигмы, что и *перец*), ср.

(14) *Варенье из вишни, черешни, сливы?* *слив*.

Варенье из отборных слив, вишен (также ...из отборной *сливы*).

Компот из слив/сливы. "*Куропатки жареные со сливами*" [название блюда].

- *редиска* является ограниченно-исчисляемым именем;
- *виноград, редис и алыча* относятся к неисчисляемым существительным.

Но даже внутри этой разнородной группы можно проследить некоторые тенденции в числовом оформлении, связанные с семантическими характеристиками. В частности, признак способа употребления, выделенный А. Вежицкой для имен плодов среднего размера, может объяснить счетность существительных *маслины, олив-*

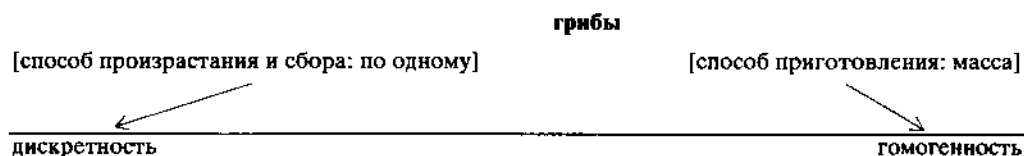
⁷ Часто *кореньями* называются сушеные корешки разных видов растений, ср., однако, рецепт супа из кореньев: 100 г *кореньев петрушки*, 100 г *кореньев сельдерея*, 150 г *моркови*...

⁸ Представление о *зерне* как о гомогенной массе базируется на следующем стереотипном представлении о его функциональных свойствах: это то, что люди выращивают, перемалывают и используют для приготовления хлеба и других продуктов или для корма животных, ср. *собирать зерно, мешки с зерном*. Обратим внимание, что даже при обозначении ограниченного количества, но при сохранении данного функционального компонента используется форма ед. числа, ср. *мешочек зерна* [ЕД], *давать птицам зерно* [ЕД] и т.п. Употребление формы мн. числа (в неарифметическом контексте) возможно лишь в случае, если способ восприятия не согласуется с указанным стереотипом, поэтому птицы могут клевать *зёрна* [МН], а человек может давать им только *зерно* [ЕД], ср. также сочетание *пророщенные пшеничные зёрна*/**зерно*. Опять же, совокупность кофейных плодов не может быть обозначена формой ед. числа, ср. *кофейные зёрна*, но недопустимое (в данном смысле) **кофейное зерно*.

ки, финики, (жареные) каштаны и т.п. Эти имена обозначают продукты, необычные для обычного употребления, едят их целиком, штука за штукой, т.е. в некотором ограниченном количестве, но не в столь "массовом", как рис, горох или ягоды. Впрочем, способ употребления маслин весьма похож на способ употребления винограда (обозначаемого существительным sg. it.); аналогично, про ягоды типа клубники можно сказать, что их едят "поштучно" (как это делает А. Вежицкая, характеризуя польские существительные типа *truskawki* "земляника", которые имеют формы мн. числа). Однако виноград и клубнику отличает еще одна важная черта: они употребляются не только в сыром виде. Виноград – это, прежде всего, сырье для вина, а клубника используется для приготовления варенья, т.е. как масса.

Имена ягод небезынтересно сравнить и с названиями грибов. Оказывается, имена грибов не подпадают под правило Вежицкой: они характеризуются скорее средним или средне-мелким размером, но их не едят целиком в сыром виде – тем не менее, все без исключения имена грибов счетны, ср. *подосиновики*, *свинушки*, *лисички* и т.д. Однако грибы растут, как правило, по одному, и собирают их, соответственно, переходя от одного гриба к другому. Таким образом, грибы отличаются от ягод способом произрастания и сбора.

Формулируя правила числового оформления названий грибов, мы должны учесть, что способ произрастания свидетельствует в пользу дискретной концептуализации, а способ приготовления – в пользу недискретности, т.е. эти факторы действуют в противоположном направлении:

и, как показывает счетность имен, действие первого фактора оказывается сильнее. Что же касается ягод, то, напротив, не совсем однозначная их интерпретация по признаку использования (их едят целиком сырыми, но в большом количестве, или делают варенье) поддерживается недискретной интерпретацией по признаку произрастания и сбора.

Согласованным действием двух признаков – относительного размера и способа использования – можно объяснить, почему разнесены по разным числовым классам названия таких близких "родственников", как *слива* и *алыча*. *Алыча* – это мелкая *слива*, которая идет на варенье, и нетипично, чтобы ее ели свежей и по одной штуке.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой обозначения в и д о в различных плодово-овощных культур. Дело в том, что в своих разновидностях овощи и фрукты могут иметь плоды разного размера, часто более мелкого, ср. *помидоры* и *томаты*; *огурцы* и *пикули*, *корнишоны*; *капуста* и *брюссельская капуста*. Тем не менее, названия видов входят в тот же числовой класс, что и родовое имя, – но только в том случае, если не меняется их функциональное предназначение. Между тем, названия кормовых и технических культур: *турнепс* (кормовая *репа*), *свекловица* (сахарная *свекла*) и др., – переходят в класс sg. it., т.е. в тот класс, к которому принадлежат обозначения кормов для животных (ср. *сено*, *солома*, *силос*, *фураж*, *люцерна*, *клевер* и др.), в то время как родовые имена относятся к ограниченно-исчисляемому классу (*репа/репы*, *свекла/свеклы*).

Показательна в этом смысле и группа обозначений сухофруктов, ср.:

<i>курага</i> , урюк (неисчисл.)	–	<i>абрикосы</i> (исчисл.)
<i>чернослив</i> (неисчисл.)	–	<i>слива/сливы</i> (огр.-исчисл.)
<i>изюм</i> (неисчисл.)	–	<i>виноград</i> (неисчисл.)

Несмотря на то, что названия соответствующих "невысушенных" фруктов могут принадлежать к разным числовым классам, все имена сухофруктов являют собой *singularia tantum* [Jarvis 1986].

Возвращаясь к названиям средне-мелких плодов, подчеркнем, что вопрос о счетности средне-мелких плодов не получает окончательного решения в рамках семантического подхода. Обсуждаемые семантические признаки отражают лишь некоторые тенденции числового оформления, но, к сожалению, не являются классифицирующим: так, в разные классы попадают *абрикосы* и *слива*, *вишня* и *клубника*.

Весьма любопытна в данном случае тройка синонимичных названий *фига* – *смоква* – *инжир*, распределенных по трем классам: существительное *фига*, заимствованное из языков западноевропейского ареала (ср. лат. *figus*, ит. *figa*, фр. *figue*, англ. *fig*), относится к классу исчисляемых; устаревшее, но исконно славянское наименование *смоква* – к классу ограниченно-исчисляемых; а *инжир*, заимствование из тюркских языков (ср. тур., крым.-тат., кыпч. *an[ʃ]ir*, *in[ʃ]ir*, карач. *in[ʃ]ir*, данные из [Фасмер 1986]) – к классу неисчисляемых. Числовое поведение этих слов отражает их числовые характеристики в тех языках, из которых они были заимствованы.

Впрочем, (не)исчисляемость в языке-доноре – слишком ненадежный фактор. Кажется бы, именно такой причиной можно было бы объяснить, почему *фисташки* являются исключением в группе названий небольших орехов – *sg. tt. фундук, арахис, миндаль* и т.п., ср. фр. *pistache(s)*; ит. *pistaccio/-i*. Однако *миндаль* почему-то "потерял" свою счетность в процессе заимствования, ср. польск. *migdal*, нем. *Mandel(n)*.

Безусловно, сам фактор заимствования, точнее, недостаточной освоенности заимствований грамматической системой языка, не может не учитываться при формулировке грамматических правил. Так, *айва*, конечно же, входит в круг вещей, похожих на *яблоко* (ее еще называют "японским яблоком"), но она, так же как и *хурма*, относится к классу ограниченно-исчисляемых, ср. (15):

(15) а. В горах зерна вы вдруг заметите плоды, сохранные с осени: *айву* [ЕД], *продолговатые коричневые груши* [МН], *яблоки* [МН]... (П. Гамарра, пер. с фр. Н. Столяровой).

б. 2 кг *айвы/хурмы*.

5. МЯСНЫЕ И РЫБНЫЕ БЛЮДА

Обратимся теперь к области готовых блюд. Как можно судить по табл. 4, обозначения мясных и рыбных блюд более унифицированы по числовому поведению, нежели овощи и фрукты. Выделяются 6 основных классов:

- неисчисляемый *sg. tt.* класс "мясо": в него, помимо общего имени *мясо*, входят обозначения видов мяса/рыбы, характеризующихся по способу приготовления (*тушенка, строганина, солонина*) и сервировки (*нарезка*), а также обозначения субстанций – смесей измельченного мяса с другими продуктами (*плов, фаршмак*);
- неисчисляемый *sg. tt.* класс "гуляш" – обозначения блюд, состоящих из мелких кусочков (*рагу*), часто плавающих в соусе (*гуляш, азу, бефстроганов*);
- ограниченно-исчисляемый класс "шницель" – обозначения блюд, состоящих из одного большого куска мяса (*шницель, бифштекс, ромштекс, ростбиф, антрекот, лангет, эскалоп, стейк*);
- исчисляемый класс "котлеты" – обозначения блюд, сделанных из перемолотого мяса, которому придана особая форма (*котлеты, биточки, зразы, голубцы, тефтели, фрикадельки, пельмени, сосиски, сардельки, шпикачки, купаты, колбаски*);
- ограниченно-исчисляемый класс "колбаса" – обозначения продуктов размера большего, чем это нужно для одной порции (от них отрезают куски) (*колбаса, ветчина, рулет, паштет*);
- неисчисляемый *sg. tt.* класс "бекон" – обозначения специальным образом приготовленного мяса (от него также отрезают куски) (*бекон, карбонад, буженина, корейка; шпик; бастурма, шаурма, студень*).

	Малый размер "На тарелке обычно лежит несколько кусков"		Средний размер "На тарелке лежит один кусок"	Большой размер "Едят часть X"
[Исчисл.]	тефтели фрикадельки кнели шкварки пельмени	котлеты битки биточки эразы голубцы	сосиски сардельки шпикачки купаты колбаски	
			отбивная шницель бифштекс ромштекс ростбиф антрекот лангет эскалоп стейк	колбаса ветчина рулет паштет
[Неисчисл.]	шашлык/ (шашлыки)			
	гуляш азу бефстроганов рагу	долма	плов тушенка, строганина, солонина поджарка, жаркое нарезка	бекон карбонад буженина корейка шпик
				студень холодец заливное холодное

Оговорим в первую очередь, что само по себе название блюда (в меню или в кулинарной книге) составляет важный класс числового употребления. Так, в ресторанном меню будет, скорее всего, написано: "котлеты", "голубцы в сметане" (в форме МН), но "шницель", "эскалоп" (в форме ЕД). У имен ограниченно-счетного класса типа "шницель" форма ЕД дает обманчивый эффект в контекстах неопределенного количества типа (16), поскольку в качестве наиболее естественного имеет дистрибутивное прочтение:

(16) Нам принесли *шницель* [(i) 'каждому свою порцию'; (ii) 'одну порцию на всех'].

Заметим, что то же самое может происходить с названиями любых других блюд, в том числе приготовленных из овощей/фруктов, ср. (17 а–б):

- (17) а. Сегодня на полдник детям дали *пирожное* и *стакан кефира*,
б. Нам принесли *печеное яблоко*.

Выбор формы ед. или мн. числа в названии блюда определяется уже известным семантическим признаком – привычным способом использования обозначаемого продукта. Типичная порция *шницеля* и *эскалона* состоит из одного куска достаточно большого размера, в то время как типичная порция *котлет*, *сосисок*, *фрикаделек* и *пельменей* состоит из нескольких небольших изделий.

Указанное числовое различие между классом "шницель" и классом "котлеты" сохраняется и в генерическом контексте:

- (18) Я люблю *котлеты/биточки/фрикадельки/сосиски/пельмени* [МН];
Я люблю *шницель/эскалоп* [ЕД].

В арифметическом контексте, а также в тех референтных контекстах, где существительные класса "шницель" не обозначают собственно блюда, эти имена колеблются в исчисляемости, ср.:

- (19) а. Принесите нам *два шницеля/принесите нам две порции шницеля*;
б. Мясо обмыть, удалить позвоночную кость и нарезать поперек 4 *антрекота*, оставляя в каждом по реберной кости;
в. *Антрекот* нарезают из толстого или тонкого края по одному куску на порцию толщиной 15–20 мм;

г. Затем *шницели* обваливают в сухарях;

д. *Куски антрекота/антрекоты* слегка отбивают, солят, перчат по вкусу и жарят перед самой подачей к столу в течение 5–7 минут⁹.

Примыкает к классу "шницель", но несколько отличается у него по числовым свойствам имя *отбивная*. Если в ресторанном меню фигурирует, как правило, форма ед. числа, то в генерическом контексте эта форма сомнительна или конкурирует с формой мн. числа:

(20) Я люблю свиные отбивные! свиную отбивную.

Колебания формы *отбивная/отбивные* объясняются столкновением семантических и системно-языковых факторов: по свойству обозначаемого *отбивная* относится к тому же классу, что и *шницель*, но в то же время *отбивная* является субстантивированным прилагательным и наследует числовое поведение имени *котлета* (ср. *отбивная котлета*).

Различие между классами "котлеты" и "гуляш" не связано с привычной порцией потребления: и *котлеты*, и *гуляш* обозначают такие блюда, где на тарелке лежит обычно несколько кусков. Можно было бы сказать, что размер кусочков *гуляша* меньше, чем размер *котлет*, но это верно не для всех представителей класса "котлеты": например, *фрикадельки* могут быть даже меньше кусочков *гуляша*.

Гуляш, *азу* и *бефстроганов* по своему виду ближе к супу, так как это кусочки, плавающие в жидкости, *рагу* также напоминает суп по способу приготовления, так как кусочки мяса тушатся в жидкости. Однако некоторые конкуренты из класса "котлет" обладают подобными же свойствами (ср. *пельмени*, *фрикадельки*). Скорее всего, дело здесь в другом. *Гуляш* и *рагу* отвечают формуле "кушанье из нарезанных кусков", а такие блюда в русском языке концептуализуются как субстанция, ср. *салат*, *винегрет* и др.¹⁰ *Котлеты*, *сосиски* и *тефтели*, напротив, – это "изделия". Предварительно измельченному мясу придается особая форма, в частности, мясо может быть заключено в оболочку из теста, капустных листьев или в пленку (ср. *пельмени*, *голубцы*, *сосиски* и т.п.)¹¹.

Среди обозначений "кушаний из нарезанных кусков" по своему уникальное положение занимает имя *шашлык*, обладающее двумя параллельными рядами числовых форм (мн. число более характерно для разговорной речи), ср. жарить *шашлык/шашлыки*, обжарить *шашлыком/шашлыками* и др.¹² Однако было бы ошибкой считать его исчисляемым: сочетание с числительным во фразе *возьмите два шашлыка* интерпретируется по "универсальному" правилу как 'две порции шашлыка', но не как 'два куска шашлыка'. Употребляя (в контексте неопределенного количества) имя *шашлык* во мн. числе, говорящий представляет это блюдо таким же способом, как *пельмени*, *фрикадельки* или *шкварки*, т.е. как набор небольших кусочков или изделий, находящихся в тарелке в количестве, достаточном для того, чтобы не было необходимости их считать.

⁹ Различие числовых форм в этом примере может интерпретироваться как противопоставление значений "мясное блюдо" (МН) – "сорт мяса" (ЕД) (ср. буквальный перевод слова *антрекот* с франц. – "(мясо) между ребрами"). Подобная метонимия свойственна именам *гуляш* и *азу*, но у них, напротив, несчисляемое "сортовое" употребление согласуется со всеми прочими (также несчетными) употреблениями.

¹⁰ Дополнительным доводом в пользу несчетности имен *гуляш* и *бефстроганов* является то, что они отчетливо осознаются носителями языка как иноязычные. Неосвоенные языком имена по большей части sg. tl., ср. *люля-кебаб*, *чахохбили* и т.п. Возможно, по этой же причине мясо, завернутое в капустные листья, называется счетным именем *голубцы*, а мясо, завернутое в виноградные листья – несчетным именем *долма*. Кроме того, в числовом поведении может проявляться внутренняя форма слова: *бефстроганов* – буквально "мясо по-строгановски".

¹¹ Имя *шкварки*, единственное из счетного класса "котлеты", не подходит под определение "изделия". О числовой форме этого существительного см. ниже, с 104.

¹² Числовые формы расходятся в двух переносных употреблениях: в значении соответствующего сорта мяса употребляется только форма ЕД, а в значении поездки на природу, связанной с приготовлением шашлыка, – форма МН (ср. *устроить шашлыки*).

Колбаса и ветчина, подобно сосискам, представляют собой некую субстанцию, заключенную в оболочку, и, таким образом, имеют форму, но, в отличие от сосисок, колбасу и ветчину не едят целиком, т.е. батонами. Поэтому о колбасе и ветчине обычно говорят как о чем-то неисчисляемом. Однако в примерах типа (21):

(21) На прилавке разложены колбасы и ветчины [МН], –

речь идет не о еде как таковой, а о физических объектах, лежащих на прилавке, и тут колбаса и ветчина представляют собой исчисляемые объекты. Вследствие этого, по числовому поведению существительные колбаса и ветчина расходятся с существительным сосиски и попадают в класс ограниченно-исчисляемых. Такой же двойной, "по функции" vs. "по форме", способ концептуализации представлен у производных существительных окорок/окорока и язык/языки (см. ниже табл. 5), а среди немясных продуктов – у имени сыр/сыры. Ранее в русском языке похожим образом вело себя существительное хлеб:

(22) Ставить хлеба в печь; Русские стали заниматься земледелием для получения хлебного зерна и тогда же стали печь хлебы и готовить квас (М. Забылин.

Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия).

Для того, чтобы продукт можно было концептуализировать как счетный, он должен обладать или получать в процессе изготовления характерную форму, ср. колбасы, рулеты, окорока, языки – но ^{??}беконы, ^{??}буженины, ^{??}шпики; по тем же соображениям формой МН паштеты могут обозначаться либо изделия, заключенные в оболочку, подобно колбасе, либо изделия в жестяных банках, либо пирог с начинкой из паштета.

Весьма интересная ситуация складывается вокруг переносных обозначений мясных блюд: имена, которые исходно обозначают части тела, противопоставляются именам, исходно обозначающим внутренние органы, см. табл. 5.

Таблица 5

Переносные обозначения мясных и рыбных блюд

Часть тела или органы

Сорт мяса –
мясо из какой-либо части туши

	Исчисляемые в значении 'части/органа'	Неисчисляемые в значении 'части/органа'		
[ИСЧИСЛ]	грудки крылышки окорочка ребрышки лягушачьи лапки раковые шейки			
	язык окорок			
[НЕИСЧИСЛ]	сердце легкие печень почки печенка рубец	требуха мозги потроха	вырезка грудинка кострец сало	теща [брюшная часть осетра] визига [спинная струна осетровых рыб] головизна [голова и части хребта красной рыбы]

Блюда, приготовленные из различных "наружных" частей, обозначаются полноценно исчисляемыми именами, ср. грудки, крылышки, окорочка и т.п. (23а); однако окорок и язык обычно не едят целиком (первый – из-за значительного размера, второй – из-за большой ценности мяса), отсюда их двойная концептуализация: как массы, от которой отрезают куски, и как исчисляемых объектов с характерной формой, см. (23б). Блюда, приготовленные из одиночных внутренних органов, обозначаются как

неисчисляемые sg. tt. ср. *сердце, печень (печенка), рубец* и др. (23в), а приготовленные из парных внутренних органов – как неисчисляемые pl. tt., ср. *легкие и почки* (23г).

(23) а. *Съест пару крылышек; купить килограмм копченых окорочков; любить грудки*; – [МН]

б. *Подать к столу язык/языки в желе; окорок* [ЕД] *под белым соусом*; – [ЕД] ~ [МН] (ср. *В кладовке висят свиные окорока*);

в. *Пирог с печеню/печенкой; Рубец с гречневой кашей*; – [ЕД]

г. *Рассольник с почками; Начинка из печени, почек, сердца и легких поросенка*; ¹³ – [МН]

Как видно, существительные сохраняют особенности своей числовой парадигмы в переносном значении "мясного блюда". Имя *мозги* имеет более длинную историю семантической деривации. В основном значении 'органа' ему свойственна вариация числовых форм, довольно прихотливо распределенных по контекстам, ср. *головной мозг* (*головные *мозги*); *напрячь мозги/мозги; мозги путаются* (**мозг путается*) и т.п.¹⁴; колебание форм сохраняется и в значении вещества, заполняющего череп, ср. *Ворона птенцам певчих птичек голову размозжит и мозг* [ЕД] *выпьет, ну, а за своих птенцов костями полаяет, а не допустит к ним* (В. Лидин); *Мозги* [МН] *по стенке*. Но в значении 'блюдо из такого вещества' употребляется только форма МН *мозги* (см. 23д). *Потрохами и требухой* называется, в принципе, один и тот же вид продукта – отваренные (и часто мелко порезанные) внутренние органы. *Потроха* и *требуха* неисчисляемы, с той разницей, что одно pl. tt., а другое – sg. tt., ср. (23д–е):

(23) д. *Телячьи мозги; Лапша из потрохов*; – [МН]

е. *Похлебка с требухой*. – [ЕД]

Обозначения мясных продуктов, приготовленных из определенных частей туши: *вырезка, грудинка, кострец, сало* и др., – относятся к классу несчетных sg. tt., так как представляются языком как сорта мяса (то же относится и к рыбным продуктам, ср. *теша, визига* и др.).

Важной особенностью русской грамматики является тот факт, что имена животных становятся неисчисляемыми в значении 'мясо (животного)': ср. *блюда из птицы, рулет из индейки* и т.п. Впрочем, *утки, гуси, рябчики, тетерева, куропатки* сохраняют форму МН (например, в описаниях блюд, подаваемых на пире), потому что при их приготовлении сохраняется форма, ср. также *молочные поросята* и *фаршированные куры*.

Существительное *рыба*, равно как и названия конкретных видов рыб, тоже способны употребляться переносно в значении 'мясо (рыбы)' и 'блюдо (из рыбы)', как правило, в форме ЕД, ср.:

(24) а. *На второе у нас сегодня рыба, котлеты из рыбы, жарить рыбу*;

б. *Суп из судака, судак заливной, селедка под шубой* и т. д.

В отличие от описанной выше ситуации с названиями животных, речь не идет о переходе ИСЧИСЛ → НЕИСЧИСЛ. Даже в основном значении, т.е. при именовании "живых" особей, слово *рыба* и его гипонимы в контексте неопределенного количества обнаруживают колебание в числовом оформлении, которое разрешается в зависимости от контекста, ср. примеры (25а–в), предполагающие разную степень дискретности обозначаемого¹⁵:

(25) а. *В аквариуме плавают красивые рыбы/*красивая рыба*;

б. *Мальчик наблюдал за рыбами/рыбой в реке*;

в. *Удалось продать две тонны рыбы/*рыб*.

¹³ Допустимо употребление формы ЕД *легкое*, если в кулинарии используется часть тканей органа крупного животного, ср. *Баранину, сердце, почки, легкое варят, затем мелко нарезают*; 30 г *легкого*.

¹⁴ Более детальное описание распределения числовых форм см. в [Ляшевская 1999].

¹⁵ Обозначение рыбы как недискретной совокупности характеризуется не только сменой числовой парадигмы, но и переходом признака "одушевленное" в "неодушевленное".

В соответствии со степенью дискретности, названия декоративных, аквариумных рыб (*неоны, барбусы, меченосцы*) обладают полночисловой парадигмой, а названия промысловых рыб, напротив, тяготеют к рl. п., и только в контексте числительных и кванторных слов употребляются как исчисляемые (ср. *треска/две трески; палтус, селедка* и т.п.).

Однако не все наименования рыбы и рыбных блюд характеризуются ограниченной исчисляемостью, ср. *сардины в масле, суп из осетра/осетров, поджарить пескарей* (≠ *пескаря*). Для формулировки общего правила следует принимать во внимание такие признаки, как промысловый/непромысловый характер добычи рыбы; ее размер, а также формальный параметр – род существительного. Сочетание этих признаков дает следующие числовые классы:

- ограниченно-исчисляемый класс "треска" – обозначения крупных промысловых рыб и соответствующих блюд (*треска, палтус, хек, тунец, селедка, сайра, ставрида, семга, горбуша, таймень* и т.п.);
- ограниченно-исчисляемый класс "осетр" с колебанием числовых форм в неарифметическом контексте – обозначения особо ценных промысловых рыб (*осетр, лосось, стерлядь*);
- исчисляемый класс "пескари" – существительные мужского рода, обозначающие небольших речных рыб и соответствующие блюда (*пескари, ерши, бычки, вьюны, голавли, караси, подлещики, язи* и т.п.);
- ограниченно-исчисляемый класс "плотва" – существительные женского рода, обозначающие небольших речных рыб и соответствующие блюда (*плотва, вобла, красноперка, тарань, уклейка, форель* и т.п.);
- ограниченно-исчисляемый класс "щука" – обозначения крупных речных рыб и соответствующих блюд (*щука, карп, жерех, сазан, налим, сом, судак, угорь* и т.п.);
- неисчисляемый sg. п. класс "корюшка" (*корюшка, тюлька, мойва, хамса*); исчисляемый класс "шпроты" (*шпроты, сардины, сардинки, анчоусы*) и переходный класс "килька" (*килька/кильки, снеток/снетки, копчушка/копчушки*) – обозначения мелких промысловых рыб.

"Традиционные" речные рыбы небольшого размера (*ерши, окуни пескари*), в отличие от промысловых рыб, "любят счет", ср.:

(26) а. *Уха из ершей ("ерша), окуней, пескарей*;

б. *Я люблю *ерша, *окуня, *пескаря.*

Между тем, существенно, что имена в примере (26) – мужского рода; существительные женского рода, отвечающие тем же семантическим признакам, несчетны в контекстах, обозначающих еду, ср. *закусывать воблой, отварная форель* и т.п.

Имена речных рыб более крупного размера ограниченно-считны, вне зависимости от грамматического рода, ср. *суп из щуки ("щук), сома, судака; копченый угорь* и т.п. Лещ, по-видимому, занимает промежуточное положение между крупными и мелкими рыбами, и, соответственно, его имя обнаруживает колебание числовых форм в неарифметическом употреблении, ср.: *Вяленый, копченый, жареный лещ* [ЕД]. *Уха из лещей* [МН] (примеры из [Шведова (ред.) 2000, т. 2: 269]).

Аналогичное колебание числовых форм допускается у слов *лосось, осетр и стерлядь*, ср. *суп из осетра/осетров, лосося/лососей, уха со стерлядью/стерлядьми*. Безусловно, это особые рыбы в русской кулинарной культуре, и своей ценностью они противопоставляются другим крупным промысловым рыбам типа *трески, палтуса или толстолобика* (ср. также наличие специальных производных *лососина* и *осетрина*). Примечательно, однако, что имена *лосось* и *осетр* отличаются числовым поведением и от своих гипонимов (в основном – женского рода!), ср.: *горбуша/*горбуши в соусе, рулет из семги, суп из севрюги/*севрюг*.

Наиболее прихотливо числовое поведение обозначений мелких промысловых рыб, которых обычно едят в качестве закуски. Некоторые из них концептуализируются только как совокупность, ср. *тюлька, корюшка, мойва*; другие – только как

множество индивидуальных объектов, ср. *шпроты*¹⁶, *сардины*; а третьи – обоими способами, ср. *кильки в томатном соусе* ~ *прибалтийская килька*; *вяленый сеток к пиву* ~ *щи со сетками*; *закусывать копчушкой* ~ *солянка грибная со сметаной, зеленью и копчушками*. Из-за того, что в этой лексической зоне не действует какого-либо однозначного механизма концептуализации, один и тот же вид рыб называют *анчоусами* [МН] и *хамсой* [ЕД], а один из подвидов *корюшки* [МН] – *сетком* или *сетками* [ЕД = МН].

Названия морепродуктов, такие как *крабы*, *омары*, *моллюски*, *устрицы*, *креветки*, *морские гребешки* и т.п., а также *раки*, относятся к разряду полноисчисляемых, ср. *есть крабов*, *в ресторане подали устриц* и т.д. Точно так же исчисляемы обозначения и других "экзотических" объектов для еды – конечно, в том случае, если они исчисляемы в исходном значении живого существа, ср. *есть земляных червей*, *скорпионов*, *но питаться саранчой*.

6. МУЧНЫЕ И СЛАДКИЕ БЛЮДА

Итак, мы видели, что структура класса названий мясных и рыбных блюд оказалась не изоморфна структуре класса названий овощей и фруктов, и чаще всего представлению мясных и рыбных продуктов как неисчисляемых мешала их категоризация как артефактов, обладающих, к тому же, особой формой. Мучные и сладкие блюда тоже являются готовыми изделиями, поэтому можно предполагать, что сходство класса их обозначений с классом названий мясных и рыбных блюд будет гораздо большим.

Исходя из высказанных ранее соображений, классифицируем мучные и сладкие блюда по размеру, см. табл. 6:

Названия мучных и сладких блюд

Таблица 6

	Малый размер			Средний размер		Большой размер	
[ИСЧИСЛ]	<i>гренки</i>	<i>конфеты</i>	<i>вафли</i>	<i>блины</i>	<i>пирожки</i>	<i>пудинг</i>	<i>пирог</i>
	<i>палочки</i>	<i>пастилки</i>	<i>сухари</i>	<i>оладьи</i>	<i>беляши</i>	<i>кекс</i>	<i>торт</i>
	<i>хлебцы</i>	<i>батончики</i>	<i>трубочки</i>	<i>сырники</i>	<i>ватрушки</i>	<i>пряник</i>	<i>рулет</i>
				<i>пирожные</i>	<i>булочки</i>	<i>коврижка</i>	<i>кулебяка</i>
[НЕИСЧИСЛ]	<i>вареники</i>			<i>эклеры</i>	<i>рогалики</i>		<i>расстегай</i>
	<i>галушки</i>				<i>бутерброды</i>		<i>рыбник</i>
[НЕИСЧИСЛ]	<i>соломка</i>		<i>печенье</i>			<i>пицца</i>	<i>хлеб</i>
	<i>хворост</i>		<i>шоколад</i>				<i>лаваш</i>
	<i>лапша</i>		<i>мармелад</i>				<i>маца</i>
	<i>вермишель</i>		<i>пастила</i>				
	<i>паутинка</i>		<i>зефир</i>				
	<i>макароны</i>						
	<i>ушки</i>						
	<i>рожки</i> и т. п.						
	<i>хлопья</i>						
				<i>варенье, джем, конфитюр</i>			
				<i>сгущенка; мороженое</i>			

¹⁶ О том, что *шпроты* являются так называемыми "потенциальными pl. tl.", свидетельствует тот факт, что одна рыбка может быть названа как *шпротой*, так и (в просторечии) *шпротиной*.

Основные семантико-числовые классы таковы:

- неисчисляемый класс субстанций "варенье" (*варенье, джем, конфитюр; сгущенка* и др.);
- исчисляемый класс мелких изделий "конфеты" (*конфеты, пастилки, батончики; вафли, сухари, трубочки* и др.);
- исчисляемый класс изделий среднего размера "пирожки" (*пирожки, беляши, булочки, бутерброды, блины, сырники, пирожные* и др.);
- исчисляемый класс крупных изделий "пирог" (*пирог, торт, рулет, кулебяки* и др.);
- класс совокупностей, состоящих из мелких изделий, sg. tt. "хворост" (*хворост, соломка, вермишель, паутинка*);
- класс совокупностей, состоящих из мелких изделий, pl. tt. "макароны" (*макароны, ушки, рожки; хлопья* и др.);
- класс совокупностей, состоящих из изделий среднего размера, sg. tt. "печенье" (*печенье, мармелад, зефир* и др.);
- неисчисляемый класс sg. tt. "хлеб" (*хлеб, лаваш, маца*).

Наиболее предсказуемо и последовательно числовое оформление изделий среднего размера, ср. *пирожки, блины, пирожные* и т.п. Изделия крупного размера, от которых отрезают куски – *пироги, торты* и т.п., – представляются как субстанция в контекстах, обозначающих процесс еды (ср. *есть торт*), но в других контекстах могут представляться как физические объекты, ср. *На столе стояли торты* [= 'несколько коробок с тортами' (одного вида или разных видов, неважно)].

На первый взгляд, кажется, что класс "пироги" идентичен по числовому типу классу "колбаса", но в генерическом контексте обнаруживается различие, ср.

(27) а. *Вы любите колбасу?* [ЕД]

б. *Вы любите торты?* [МН]

Это, конечно же, не значит, что *торты* "обычно едят в количестве, большем одного": скорее, можно утверждать, что для *тортов* и *пирожков* идея формы более важна, чем для *колбасы* и *шницеля*, и на шкале дискретности названия мясных и мучных изделий расположены следующим образом:

мясные блюда:	<i>тушенка</i>	>	<i>колбаса</i>	>	<i>шницель</i>	>	<i>котлеты</i>
мучные блюда:							<i>торты</i> > <i>пирожки</i>

[НЕИСЧИСЛ]

[ИСЧИСЛ]

sg. tt.

(pl-ориентир.)

Большие изделия с релевантной формой: *батон, кирпич (хлеба), краюха, каравай, коврига, плетенка, хала* и т.п., – противопоставляются *хлебу*, который не характеризуется по форме. Если обозначаются несколько целых батонов хлеба, то существительное *хлеб* представляет их как совокупность, ср. *машина с хлебом*. Его форма ЕД в значении готового продукта контаминирует с формой ЕД в значении "зерно". Форма МН и, соответственно, дискретное понимание сохраняется в выражениях *ставить хлеба в печь* и *вынимать хлеба из печи*, отсылающих к культурному стереотипу выпечки хлеба в крестьянской избе (форма ЕД здесь тоже допустима); но в других случаях употребление формы МН ощущается как архаичное, ср. **На столе лежат хлеба*. Так же, как *хлеб*, недискретно, концептуализируются *лаваш, маца* и др. национальные виды хлеба.

Оговорим, что между рассматриваемыми классами исчисляемости существуют и переходные зоны. Между классом "пироги" и классом "пирожки" такая зона представлена именами *кекс, нудинг, пряник* и *коврижка*. В зависимости от числовой формы меняется интерпретация размера обозначаемых изделий, ср.: *есть кекс/кексы, нудинг/нудинги* ('часть большого изделия, размером с пирог' vs. 'небольшие из-

делия, размером с пирожок'). *Пицца* – существительное с еще не устоявшейся числовой репутацией, ведет себя или как *хлеб*, ср. *взять две порции пиццы*, или как *пирог*, ср. *взять две пиццы*. Забегая вперед, скажем, что переходная зона существует и между классом "пирожки" и классом "печенье", и ее представляет имя *бисквит*. Оно обозначает совокупность, если кусочки печенья маленькие (= *курабье*, *крекер*), и дискретные объекты, если имеются в виду пирожные размером "с ладонь" (такая же модель реализуется и во французском языке).

В группе обозначений изделий малого размера полночисловые *конфеты*, *пастилки*, *вафли*, *сухари* и т. п. противопоставляются, с одной стороны, "потенциальным pl. tt." [Жадеева 1989] *гренкам*, *палочкам*, *хлебцам*, а, с другой стороны, неисчисляемым sg. tt. *мармеладу*, *пастиле* и *шоколаду*. При обсуждении состава и различий между классами мелких изделий полезно рассмотреть три вопроса: о семантическом признаке оформленности, о диминутивности и о переносных значениях.

I. Признак оформленности отличает конфеты, завернутые в фантики, от *гренков* и от *мармелада* (так же, как он отличал *пельмени* от *рагу*). Кроме того, ни одно из изделий с неоднородным внутренним составом не обозначается существительным класса sg. tt., ср. *эклеры*, *вафли* (как правило, состоят из нескольких пластинок, между которыми варенье) и *мармелад*, *шоколад*, *пастила*, *зефир*.

II. Диминутивность часто является способом перехода от неисчисляемого к исчисляемому, ср. *пастила* – *пастилки*, *хлеб* – *хлебцы*, и это верно не только для имен мучных и сладких изделий. Например, среди названий молочных изделий обнаруживаются пары *творог* – *творожки* и *сыр* – *сырки*, среди названий мясных изделий – пара *колбаса* – *колбаски* и т.д. Аналогично, диминутивные формы используются в роли "индивидуализатора" у ограниченно-исчисляемых имен, например, употребляя названия рыб, говорят: *уха из щуки*¹⁷? *щук* (см. с. 100), но только *уха из щучек*, ср. тж. *приготовить плотву* [ЕД]/*плотвичек* [МН]. Кроме того, диминутивность мешает собирательной интерпретации дискретных сущностей. Так, мы уже обращали внимание, что в профессиональной речи работников торговли *яйцо* может употребляться как неисчисляемое существительное, ср. *яйцо диетическое* (см. с. 82), однако же, имя *яичко* не может иметь собирательного значения¹⁷.

III. В следующих трех колонках перечислены переносные обозначения различных видов изделий, в том числе конфет и пирожных. Сравним:

[ИСЧИСЛ]	[НЕИСЧИСЛ]	
<i>корзиночки</i>	<i>картошка</i>	<i>кукурузные хлопья</i>
<i>розанчики</i>		
<i>песочные кольца</i>		
<i>батончики</i>	<i>сливочная помадка</i>	
<i>маковки</i>		
<i>трюфели</i>		
<i>подушечки</i>	<i>хворост</i>	
<i>трубочки</i>		
<i>сердечки</i>	<i>соломка</i>	
<i>вафельные рожки</i>		

¹⁷ Что касается имен овощей и фруктов, то тут формы на *-ка*, казалось бы, допускают собирательное понимание, ср. *горох* – *зеленый горошек*, а имена *морковка*, *редиска* и *картошка*, более того, имеют тенденцию к "деиндивидуализации" (о переходе от сингулятивов к совокупностям см. с. 91), однако легко заметить, что все эти формы не имеют диминутивного смысла.

Обозначения, образовавшиеся в результате метонимии "X → изделия, внешне похожие на X", сохраняют тип числовой парадигмы исходного "X": *корзиночки, кольца, маковки, сердечки, рожки* и т.п.

Принцип "номинации по форме" проявляет себя и в обозначениях мороженого. Имена сорта несчетны, ср. *пломбир*, а обозначения "по форме": *рожки, стаканчики, брикеты, эскимо* ("мороженое на палочке"), счетны (ср. *И в подарок оставит нам, наверно, пятьсот эскимо*).

Обсуждая (не)исчисляемость названий фруктов и овощей, мы упоминали случай, когда признак относительного размера противопоставлял плоды близкого вида, но не работал на всем множестве языкового материала (например, *слива – алыча*). Среди названий готовых изделий этот признак противопоставляет *макароны вермишели* и *лапше* (сравнительно крупные ~ сравнительно мелкие части) – но уже не по исчисляемости, а по числу, оформляющему совокупность. Но как быть с производными обозначениями макаронных изделий? Например, *звездочки* имеют размер, даже меньший, чем *вермишель*. Приведем для сравнения ряд *ушки, рожки, колечки, звездочки, гнезда, улитки, спиральки* [МН], с одной стороны, и слово *паутинка* [ЕД], с другой. Очевидно, что и здесь модель переноса по внешнему подобию предсказывает числовую форму лучше, чем признак размера.

И наконец еще одно наблюдение над несемантической мотивацией. Среди изделий малого размера мы выделили группу "потенциальных pl. tt." *гренки, палочки и хлебцы* (в этом же ряду следует рассматривать и мясное блюдо *шкварки*). С точки зрения свойств обозначаемых ими объектов эти существительные должны были бы, по идее, относиться к классу sg. tt., ср. *гуляш, рагу* и т.п. (= "блюда, приготовленные из мелко нарезанных кусочков"). Признак диминутивности позволяет исключить из списка слова *палочки* и *хлебцы* (имя *палочки* также является результатом метонимии "X → изделия, внешне похожие на X"). Числовая форма оставшихся двух имен, *гренки* и *шкварки*, может быть объяснена тем, что, согласно словарю М. Фасмера [Фасмер 1986], это отглагольные существительные, ср. *гренки – греть* и *шкварки – укр. шкварити* 'жарить', а значит, они отвечают морфологической модели

[префикс] + глагольный корень + [суффикс -к-]=.

которая характеризует весьма продуктивный в русском языке класс названий "побочных продуктов производства", ср. *отбросы, отжимки, помои, высевки*, а также *сливки*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный материал показывает, что выделения классов типа sg. tt. – sg-ориентированные – pl-ориентированные – pl. tt. явно недостаточно для формулировки правил числового оформления. С этой целью можно и нужно использовать семантические (а иногда и формальные) признаки лексем, которые, впрочем, не всегда действуют однонаправленно. Удивительно, но признак размера обозначаемого объекта, который, как принято считать, предопределяет исчисляемость/неисчисляемость имен во многих языках мира, очень легко "подавляется" другими семантическими признаками, ср. пары *фасоль – бобы, помидоры – свекла, пельмени – гуляш* и др. Напротив, наиболее сильными являются признаки функциональных классов: "приправы", "сухофрукты" (высушенные фрукты, используемые для компота), "корм для животных", "сырье"; признак размера у имен этих классов нерелевантен, ср. обозначения овощей среднего размера *свекла/(свеклы)* (огр.-исчисл.) и *свекловица*. Также очень сильны признаки, связанные с формой объекта: наличие формы (имена бесформенных объектов всегда неисчислимы, ср. *плов, желе* и др.); наличие специфической формы или оболочки [ср. *пельмени* (исчисл.), но *гуляш* (неисчисл.), *окорок/(окорока)* (огр.-исчисл.), но *бекон* (неисчисл.)]; обозначение блюда по форме "изделия, внешне похожие на X" [ср. *песочные кольца* (исчисл.) – *хворост* (неисчисл.)]. На тип числового поведения оказывают влияние и параметры, связанные со

стереотипами восприятия объектов в процессе их использования, такие как способ произрастания и/или сбора ["растет как трава", ср. *салат* (неисчисл.); "растет и собирается по одному", ср. *подосиновики* (исчисл.); "растет и собирается в большом количестве", ср. *земляника* (неисчисл.)]. Признак, связанный с тем, как едят объект и сколько объектов находится на тарелке, может подавляться другими признаками, но, в свою очередь, сам может блокировать действие признака размера, ср. *иницель* (огр.-неисчисл., в генерическом контексте имя употребляется в форме ЕД, несмотря на то, что обозначается объект среднего размера). То же касается и признака "расти над/под землей", ср. *морковь* (огр.-исчисл., растет под землей), *капуста* (неисчисл., растет над землей, но является листовой культурой и ее едят как массу).

В работе были выделены несколько противопоставлений по способу концептуализации, которые могут реализоваться у одного и того же имени, но отмечаться разными числовыми формами, ср. концептуализацию на уровне массы (меньше одной штуки) и целого объекта [*колбаса* ~ *колбасы*, *яйцо* (*полить яйцом*) ~ *яйца*], на уровне целого объекта и совокупности объектов (*бисквиты* ~ *бисквит*), на уровне функционального объекта и физического объекта (*есть пирог* ~ *завернуть пироги в бумагу*).

Вместе с тем, как мы видели, в случае, когда семантические признаки не определяют числового поведения однозначно, в действие могут вступать внутри-системные (внутри-языковые) критерии, такие как диминутивность, род существительного, тип склонения.

Имена еды – наиболее архаичная и в то же время открытая культурному взаимодействию часть лексики. Вполне очевидно, некоторые формы *pl. tt.* так и не находят своего объяснения. Основная проблема состоит в узости материала. Возьмем четыре изолированных *pl. tt.*: *сливки*, *икварки*, *макароны* и *щи*. Первое получает если и не семантическое, то хотя бы формально-семантическое объяснение, будучи сопоставленным с именами близкой морфологической структуры (*вытопки*, *объедки* и т.п.); таким же образом могут объясняться *икварки*; для анализа числовой формы имен *макароны* и *вермишель* разумно привлекать материал других европейских языков – но *щи* так и остаются "несчастливым случаем" русской грамматики, поскольку ни одно другое существительное русского языка не пошло по его модели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев, Замбрицкий 1959 – Н.Д. Андреев, В.Л. Замбрицкий. Новое в современной сельскохозяйственной терминологии // Вопросы культуры речи. Вып. 2. М., 1959.
- Апресян 1995 – Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2. М., 1995.
- Арбатский 1954 – Д.И. Арбатский. Значения форм множественного числа имен существительных в современном русском литературном языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
- Бурас, Кронгауз 1990 – М.М. Бурас, М.А. Кронгауз. Концептуализация в языке: все или ничего // Язык и структура знания. М., 1990.
- Иорданская, Мельчук 1980 – Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук. Коннотация в лингвистической семантике // Wiener Slavistischer Almanach. Bd. 6, 1980.
- Кацесва 1989 – М.И. Кацесва. Вариативность в группе потенциальных *pluralia tantum*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
- Ляшевская 1999 – О.Н. Ляшевская. Нестандартное числовое поведение русских существительных. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
- Ожегов, Шведова 1999 – С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Феномен Анны Вежбицкой // А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Плунгян, Рахилина 1995 – В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. Семантические типы предметных имен: грамматика, лексика и когнитивная интерпретация // "Диалог'95": Труды международного семинара по компьютерной лингвистике. Казань, 1995.
- Поливанова 1983 – А.К. Поливанова. Выбор числовых форм существительных в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1981. М., 1983.

- Русский семантический словарь 2000 – Русский семантический словарь Т 1–2 / Общ ред Н Ю Шведова М, 2000
- Фасмер 1986 – М Фасмер Этимологический словарь русского языка (Пер с нем и доп О Н Трубачева) / Под ред и с предисл Б А Ларина В 4-х тт М, 1986
- Шмелев 2002 – Д Н Шмелев Избранные труды по русскому языку М, 2002
- Allan 1980 – K Allan Nouns and countability // Language 56 1980 № 3
- Behrens 1995 – L Behrens The MASS / COUNT distinction in a cross-linguistic perspective // Lexicology 1995 № 1
- Cartwright 1975 – H M Cartwright Some remarks about mass nouns and plurality // Synthese V 31 № 3–4 Dordrecht, 1975
- Corbett 2000 – G G Corbett Number Cambridge, 2000
- Ivić 1982 – M Ivić Slavic fruit and vegetable names and countability // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics 25–6 1982 (= Slavic Linguistics and Poetics Studies for Edward Stankiewicz on his 60th Birthday // Eds K E Naylor, H I Aronson, B J Darden & A M Schenker 17 November 1980, Columbus, Ohio Slavica)
- Jackendoff 1991 – R Jackendoff Parts and boundaries // Cognition 41 1991
- Jarvis 1986 – D K Jarvis Some problems with noun number choice // Slavic and East European Journal 30 1986
- Kibrik 1992 – A E Kibrik Defective paradigms number in Daghestanian European Science Foundation Programme in Language Typology Theme 7 Noun Phrase Structure Working Paper № 16 1992 (EUROTYP Working Papers VII/16)
- Kibrik 2002 – A E Kibrik Nominal inflection in Daghestanian languages // Ed Frans Plank Noun Phrase Structure in the Languages of Europe Berlin, 2002
- Koptjevskaja-Tamm, Walchli 2001 – M Koptjevskaja-Tamm, B Walchli The Circum-Baltic languages An areal-typological approach // Eds O Dahl, M Koptjevskaja-Tamm The Circum-Baltic Languages Their Typology and Contacts Amsterdam, Philadelphia, 2001
- McCawley 1975 – J McCawley Lexicography and the count / mass distinction // Berkeley Linguistic Society Proceedings 1st 1975
- Mel'čuk 1979 – I A Mel'čuk "Countability" vs "non-countability" and lexicographic description of nouns in Russian // Chicago Linguistic Society Papers 15 1979 [Перепечатано в Мельчук И А Русский язык в модели "Смысл–Текст" М, 1997]
- Rogers 1997 – M Rogers Synonymy and equivalence in special-language texts a case study in German and English texts on genetic engineering // Ed A Trosborg Text typology and translation Amsterdam, 1997
- Rosch 1975 – E Rosch Cognitive representation of semantic categories // Journal of experimental psychology General 104 1975
- Wierzbicka 1988 – A Wierzbicka The Semantics of Grammar Amsterdam, 1988 Ch X